
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

МНОГОПОЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

Петренко В. Ф.**

Статья посвящена проблеме взаимообогащения, взаимосвязи, взаимопроникновения национальных культур и одновременно их конкуренции и борьбы за самосохранение. Акцент в статье делается на специфике национального языка и гуманитарной науки, на их несводимости к единой логике и некоему универсальному смысловому содержанию.

Ключевые слова: *естественный язык, культура, познание, логика, конструктивизм, картина мира.*

The article is devoted to the issue of mutual enrichment, interaction and interpenetration of national cultures and also to their competition and struggle for self-preservation. The article emphasizes the peculiar character of national language and the Humanities, as well as the impossibility of their reduction to a single logic and universal semantic content.

Keywords: *natural language, culture, cognition, logic, constructivism, picture of the world.*

Отрицание политики однополюсности и доминирования одной политической силы, претендующей на роль гаранта цивилизационного развития, имеет свое основание в презумпции ценности многообразия культур и их вклада в прогресс и развитие Человечества. Под культурой мы понимаем всю совокупность семиотических средств общения и сознания (национальные языки, язык жестов, живописи, архитектуры, музыки, языки математики и программирования, невербальных символов и дизайна, ритуалы, вербальные и невербальные коды и прочее), а также созданные с их помощью тексты, материальные и виртуальные объекты, литературные произведения, архитектурные сооружения, производственные комплексы, машины и механизмы, произведения искусства и правила поведения, детские и спортивные игры, правила гигиены и медицинские технологии и т. п. Доминирующим семиотическим средством культуры выступает язык, точнее, множество национальных языков. При этом ведущая роль языка проявляется как в общении между людьми, так и в функционировании сознания и отдельного человека, и общества.

Широко известно высказывание М. Хайдеггера: «Язык – дом бытия» и утверждение Л. Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего

---

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10451.

** Петренко Виктор Федорович – д. псих. н., член-корреспондент РАН, профессор, зав. лабораторией факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: victor-petrenko@mail.ru.

мира». В наших совместных с В. В. Кучеренко исследованиях неоднократно показано, что блокирование с помощью гипноза тех или иных значений ведет к выпадению из сознания фрагментов мира, которые связаны с заблокированными значениями. Например, при гипнотическом блокировании значения слова «курить» испытуемый не видит не только сигареты и пепельницы, полной окурков, но и спичек (как предмет, связанный с прикуриванием), и даже зажигалки. Но он может и видеть эту зажигалку. Вертит ее в руках и говорит: «Какой-то цилиндрок, возможно, из-под валидола». Если запрещенный объект достаточно громоздкий, то испытуемый обходит «невидимый объект», а не пытается пройти сквозь него. То есть, опуская доказательные детали исследования, можно утверждать, что испытуемый видит «запрещенный» объект и рефлекторно действует исходя из этого, но не осознает его. Таким образом, можно развести процессы видения аспектов, фрагментов мира и осознание их. Из связи языка и сознания вытекает так называемая гипотеза лингвистической относительности Сэпира – Уорфа, гласящая, что разные языки определяют разное видение мира. А если следовать конструктивистской методологии, согласно которой в познании мы не отражаем «объективную действительность», а строим различные модели бытия, то носители различных языков пребывают в несколько разных мирах, а национальные культуры выступают, согласно Борхесу, как «сад расходящихся тропок», обеспечивая генетическое многообразие единого Человечества. В этом плане можно сказать, что существуют не только диалог культур и взаимообмен достижениями культуры и техники, но и конкуренция культур, борьба за распространение своего национального языка и национального мировоззрения.

Повторюсь, сказав, что разные культуры конструируют разные миры бытия, с различными «моделями потребного будущего» (термин Н. А. Берштейна), разной системой ценностей и различающимися утопиями. Даже логика разных культур может частично не совпадать. Сошлюсь на работу А. В. Смирнова [2001] об арабской логике и приведу пример суждения из буддизма, отрицающего логику «исключенного третьего», где «отрицание великой Истины есть тоже Великая Истина». Кстати, и само понятие истины имеет религиозные корни и является, как пишет А. П. Назаретян [1995], «мифологическим понятием» (тем не менее принятым на вооружение как в марксистской философии, так и в позитивизме). Представление о том, что есть некая «объективная действительность», независимая от позиции наблюдателя («то есть, что есть на самом деле»), познание которой и есть обнаружение истины, соответствует «ленинской теории отражения» или ее западному аналогу «копирующей теории истины».

Философия постнеклассической рациональности [Степин 2000; 2003] и методология конструктивизма [Келли 2000; Петренко 2010; 2013] исходят из того, что наше познание не имеет возможности непосредственно отображать «вещь в себе» и тем самым «открывать истину», а создает различные конкурирующие модели бытия, характеризующиеся различной предсказательной, эвристической силой, уровнем обобщения и полноты, и даже красотой и этичностью. Роль наблюдателя в создании модели отмечали и Н. Бор, и В. К. Гейзенберг, а современные квантовые физики Р. Пенроуз и М. Б. Менский даже говорят о присутствии сознания в редукции волновой функции. Так или иначе, никто не будет спорить о том, что национальные культуры несут в себе имплицитную этику, фиксированную обычно в религиях, и содержат различные идеологемы, в чем-то совпадающие, а в чем-

то различные, поэтому можно говорить как о диалоге и взаимовлиянии, так и о конкуренции различных культур, где ядром культуры выступает широко понимаемый национальный язык, включающий как вербальные, так и невербальные компоненты. Сохранность нации, ее идентичность обеспечивается в первую очередь национальной культурой и языком. В этом плане в современной России акцент делается прежде всего на утверждении государственности и в гораздо меньшей степени – на сохранении и развитии культуры и языка.

Гуманитарная наука рассматривается как нечто второстепенное и малосущественное. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся попытки сократить гуманитарные исследовательские институты. Например, мне пришли по Интернету просьбы подписать петиции в защиту Института искусствоведения, центра Рериха. В подвешенном состоянии находятся Институт философии РАН, Институт психологии РАН, у которых собираются отобрать занимаемые здания. Государство не финансирует создание новых гуманитарных центров науки, а наши замечательные олигархи, создавшие свои капиталы на присвоении общенародной собственности, предпочитают финансировать футбольные клубы. Тем не менее, как показывают события на Украине, использование русского языка и культуры может стать определяющим политическим фактором. Правители приходят и уходят (или их «уходят»), а принадлежность к тому или иному языку и культуре остается и задает вектор цивилизационного развития.

Во Франции и Иране были приняты законы об охране французского и персидского языков, согласно которым конференции и иные научные мероприятия на территории этих стран должны проводиться на своих национальных языках. Такая языковая политика требует, конечно, больших затрат на переводы литературы и оплату синхронных переводчиков для иностранцев, но стимулирует развитие научного национального языка. В российском национальном парламенте (Думе), кроме предложений фракции ЛДПР что-то ограничить и запретить, не вложив в развитие и распространение языка ни рубля, ничего не делается. Дело доходит до абсурда в стремлении поднять уровень публикаций до мирового, в отчетность гуманитарных институтов и вновь формируемых научных фондов вводят обязательное требование высоких показателей цитирования по зарубежным индексам *Web Science* и *Scopus* (при наличии российского РИНЦ), тем самым отдавая оценку качества отечественной гуманитарной науки зарубежным экспертам, редакторам и издателям.

Недавно я спорил по «Скайпу» с иностранным коллегой на предмет существования национальной науки. «Не бывает русской или американской физики», – утверждал он, и с этим можно согласиться, хотя и с оговорками о влиянии национальных методологических школ на большую науку. Но применительно к гуманитарному знанию, на мой взгляд, можно говорить о «культурно-лингвистической относительности», ибо в гуманитарном знании (в философии, психологии, социологии, истории, филологии и праве) всегда присутствует ценностно-аксиологический компонент, присущий данной культуре.

На мой взгляд, гуманитарная культура не может не быть национальной (общечеловеческий компонент культуры, задающий Всеединство, будет рассмотрен ниже). Через усвоение языка идет приобщение к иноязычной культуре. Во времена, когда я был студентом МГУ, вместе со мной учились иностранные студенты, составлявшие, наверное, четвертую часть курса и ставшие затем полпредами рос-

сийской культуры в своих странах. Благодаря ректору В. А. Садовничему уже в наши дни созданы и успешно функционируют филиалы МГУ в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, а благодаря еще и Ю. М. Лужкову – филиал в Севастополе, в живописном месте, в бывших Лазаревских казармах. Такие научные, культурные и образовательные центры не только формируют дружественную нашей стране интеллигенцию, но и тем самым выступают форпостом русской культуры.

Разработанные методы психосемантики [Келли 2000; Петренко 2010; Петренко, Митина 1997] с помощью построения многомерных семантических пространств позволяют проводить анализ менталитета населения стран, с которыми мы вступаем в политический и культурный диалог, реконструировать картину мира этих людей. Для ведения диалога необходимо представлять картину мира индивидуального или коллективного собеседника, знать категориальную структуру его сознания, его когнитивную сложность и содержание бессознательных установок. Остановимся на когнитивной сложности. Этот параметр характеризует мерность сознания, количество категорий (конструктов), в рамках которых происходит осознание той или иной содержательной области. Например, американский психолог Чарльз Осгуд провел исследование восприятия людьми абстрактной живописи [см.: Семиотика... 1972]. Испытуемые оценивали картины по множеству шкал, затем полученные матрицы данных подвергались процедуре факторного анализа. И если большинство, как выражаются американцы, «людей с улицы» использовали только одну оценочную категорию: «нравится – не нравится», то, по данным профессиональных художников, факторный анализ выявил от 5 до 9 факторов, по которым эти художники различали картины.

Сознание человека гетерогенно, и последний может иметь высокую когнитивную сложность, к примеру, в области восприятия футбольных команд и низкую – в сфере искусства, высокую в сфере экономики и низкую – в политике. При этом в политике низкая когнитивная сложность ведет к неустойчивости убеждений, возможности их кардинальной трансформации. А. П. Назаретян в недавно вышедшей книге «Нелинейное будущее» [2013] пишет о своей работе в советское время с иностранными студентами из Латинской Америки. Многие учащиеся левых взглядов имели весьма восторженные, но стереотипные представления о Советском Союзе. Раз в стране нет эксплуатации человека человеком, полагали они (термин «коррупция» тогда еще был не в моде), то нет и причин криминального поведения. Советский Союз в их представлении был земным раем. А. П. Назаретян рассказывал о том, как на его студента, сальвадорского партизана, напали двое грабителей с ножами. Обезоружив нападающих и держа их за шиворот, коренастый крепыш несильно сталкивал их лбами, приговаривая: «Нельзя брать чужое, надо быть интернационалистом, надо быть достойным “советико”». При столкновении с несправедливостью и лицемерием, которых было достаточно в СССР, некоторые из этих восторженных поклонников социализма подчас меняли свои установки на противоположные и уезжали с негативными стереотипами по поводу нашей страны. Противоядием таким трансформациям-перевертышам служит увеличение когнитивной сложности сознания.

В наших исследованиях [Петренко, Митина 1997] мы строили семантические пространства политических партий начиная с 1989 г. Интерес для нас представляла как размерность этого пространства – число независимых факторов, так и содержание категорий-факторов, по которым различались эти партии, а также пози-

ции конкретных партий внутри этого пространства. Напомним, что одномерное деление на левых и правых вошло в политический лексикон со времен французского Конвента, где якобинцы сидели в амфитеатре слева, а жирондисты – справа. Наше исследование, проведенное в 1990 г., на исходе горбачевской перестройки, выявило четырехмерную структуру семантического (идеологического) пространства, а содержание выделенных факторов, где первые два интерпретировались как «отвержение – принятие коммунистической идеологии» и «сохранение СССР – превращение его в конфедерацию или союз независимых государств», показывало возможность его распада. Повторные исследования политического пространства уже Российской Федерации в 1991, 1993 и 1995 гг. выявили последовательное нарастание когнитивной сложности общественного сознания россиян. Не берусь судить о его состоянии в настоящее время, так как больше таких трудоемких исследований мы не проводили, но думаю, что при увеличении единомыслия оно уменьшилось. Когнитивная сложность, определяющая многомерность сознания, формируется при полифонии диалога [Бахтин 1972], при наличии множественности точек зрения. Поэтому, в частности, реализация идеи единых учебников по истории или литературе будет вести к формированию «одномерной личности», что неадекватно даже с точки зрения политической прагматики, ибо одномерность ведет либо к фанатизму, либо к неустойчивости убеждений.

Как язык, так и сознание имеют уровневое строение. Наряду с понятиями, обеспечивающими наиболее ясное осознание, в языке существуют синкреты, символы, комплексы, псевдопонятия, определяющие тот или иной уровень осознанности. Этот семиотический ряд выстраивается по степени образности – знаковости, от образа, в своей типичности могущего выступать представителем целого класса сходных объектов, до условного знака, план содержания и план выражения которого полностью конвенциональны и условны. Другой параметр, по которому отличаются представители семиотического ряда, связан с многозначностью – однозначностью плана содержания знаковой формы и выстраивается от многозначного символа, имеющего множество семантических компонентов и соответственно множественную интерпретацию, до математического символа (называющегося так скорее по недоразумению, поскольку это типичный знак), имеющего однозначную интерпретацию. Согласно психоанализу Зигмунда Фрейда, индивидуальное, или личностное, бессознательное «разговаривает» с субъектом на языке символов, то есть осознание происходит в «мягком языке», допускающем множественную интерпретацию. Но помимо индивидуального бессознательного К. Г. Юнг [2012] выделяет коллективное бессознательное, использующее универсальные символы, присущие всему человечеству, и тем самым обеспечивающие семиотическую интеграцию человечества в единую семиотическую целостность. Юнг прибегает к метафоре, сравнивая коллективное бессознательное с мангровым деревом, где на поверхности мы видим множество отдельных деревьев, а в подземной глубине они все переплетены корнями и являются единым целым.

На языке квантовой механики [Пенроуз 2005; Менский 2011] мы бы сказали о связности (перепутанности), задающей целостность или Всеединство бытия. Эксперименты А. Аспекта [см.: Петренко, Супрун 2013] доказали феномен ЭПР (Эйнштейн – Подольский – Розен), отрицающий локальность бытия, то есть опре-

деляющий взаимосвязанность всех событий и процессов, происходящих во Вселенной.

Здесь мироощущение квантовой физики смыкается с философией Всеединства русского православного экзистенциализма (С. Н. Трубецкой, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев) и философией буддизма, в своих медитациях снимающего субъект-объектную оппозицию, или, говоря языком буддизма, «снимающего иллюзию двойственности» и растворяющего индивидуальность (принцип Анатман – отрицание Эго) в мироощущении Единого. За счет интеграции в Едином бессознательное обладает информационной мощностью, на несколько порядков превышающей информационную мощность сознания (в принципе никто не мерил, да и методы оценки информационной мощности отсутствуют).

В психологической науке А. Р. Лурия утверждал, что человек помнит абсолютно все, с чем сталкивался в своей жизни. Проблема в том, как извлечь эту информацию в случае необходимости. Напомню, что детектор лжи был в свое время разработан американцами на основе методики «сопряженных моторных реакций» А. Р. Лурия [1979]. С помощью разработанного В. В. Кучеренко метода сенсомоторного психосинтеза, близкого к гипнотической технике, можно восстановить в памяти человека, как он был, например, одет в определенный день в трехлетнем возрасте или что ел в этот день на завтрак. В настоящее время эта техника используется его учениками в работе Следственного комитета РФ. Например, можно актуализовать в памяти свидетеля номер машины, виденный им случайно много месяцев назад.

К. Прибрам [1975] разработал теорию голографической модели памяти, практически неограниченной по объему хранимой в ней информации. Связность нелокальной информации, хранящейся в бессознательном, делает его источником креативности и творчества (В. Н. Пушкин, В. В. Налимов, О. К. Тихомиров). Отсюда вход в бессознательное, присущее практически всем религиозным практикам в форме медитации, молитвы, созерцания, динамической медитации в танцах дервишей и зикра, психотехникам в духе холотропного дыхания А. Грофа и пр., пиковым переживаниям (термин А. Маслоу), таким как предельные страдания, любовь, восторг и т. п. Тематика бессознательного, продолжающая идеи К. Юнга, наиболее ярко представлена в трансперсональной психологии (С. Гроф, А. Минделл, Р. Фрейдджер, М. Мерфи, К. Уилбер, В. В. Козлов, В. В. Майков), исследующей процессы бессознательного в контексте Интегрального бытия и Единства Мировосприятия. Подводя итог вышесказанному, можно выделить ряд положений, требующих развернутых исследований и доказательств.

Культура как открытая самоорганизующаяся система, подобно живому организму, нуждается в притоке инокультурной информации (аналог генетического обмена живых организмов внутри одного вида, в нашем случае – человеческого), обеспеченной диалогом культур. Культуре, как и живому организму, свойственен инстинкт самосохранения («любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу»). Поэтому наряду с диалогом культур необходимо существует и конкуренция, борьба за сохранение своей национальной культуры, своего языка, а возможно, и экспансия, и расширение зоны распространения. Наряду с диалогом и конкуренцией культур с помощью семиотических средств, из которых ведущая роль принадлежит естественным языкам, существуют культурный диалог и конкурен-

ция на уровне коллективного бессознательного, что требует в свою очередь его детального изучения.

Литература

- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972.
- Келли Дж. Теории личности. Психология личностных конструктов. СПб. : Речь, 2000.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Менский М. Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино : Век 2, 2011.
- Назаретян А. П. Истина как категория мифологического мышления // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 105–108.
- Назаретян А. П. Нелинейное будущее. М. : МБА, 2013.
- Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Академический проект, 2011.
- Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. М. : Ин-т компьютерных исследований, 2005.
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М. : Эксмо, 2010.
- Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Эксмо, 2013.
- Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли объективная действительность? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // *Известия Иркутского университета. Серия «Психология»*. 2013. № 2. С. 62–82.
- Прибрам К. Языки мозга. М. : Прогресс, 1975.
- Семиотика и искусствоведение / под ред. Ю. Лотмана. М., 1972.
- Смирнов А. В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М. : Языки славянской культуры, 2001.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.
- Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 5–17.
- Юнг К. Г. Психология бессознательного. М. : Канон, 2012.